

ДОМОВОЙ

Окончание. Начало на с. 1

КИНОЗАЛ

ИСКУССТВО ВИЛКИ И НОЖА

ДА НЕТ, вы курите, курите... Я своей жене Тане сам сигареты покупаю, так что можете курить без зазрения совести. Ну а я вот два года назад бросил. Сам, представляете? Своей силой! Ребята, я 60 лет курил и сам бросил!.. Но, правда, дальше курить было уже совсем нельзя... Но все равно очень приятно, что я смог сделать это сам. Вообще, вы знаете, человек так много может сам сделать... Даже научиться правильно держать вилку и нож. Это же очень неудобно сначала, если начинать в зрелом, так сказать, возрасте. Я сам знаю. Очень неудобно есть цыпленка табака ножом и вилкой. Но можно себя заставить. И вот теперь меня уже, наоборот, нельзя заставить руками есть курицу. Взять ее за косточку... Бр-р-р, это невозможно! Этому я научился. Еще можно научиться не выходить из дому, не приняв душ. Если нет горячей воды, значит, надо ее согреть... А вот чему я так и не научился, так это благодарности. Хотя уже пора бы быть благодарным, не обольщаться. Вот Шура Ширвиндт - он очень умный, он ни ногой в политику, потому что понимает, что это дело грязное. Там могут быть или совершенно уж восторженные мудаки, или сволочи, понимаете? А просто чистых людей - раз-два и обчелся. Мне вот кажется, что никакими алмазами и долларами нельзя совратить Гайдара. Да он не понимает в этом ничего! Знаете, Ельцина нельзя совратить долларами. Я-то с ним познакомился, когда он был отовсюду снят, и я слушал его рассказ обо всем этом, с такими поразительными деталями он говорил и с таким юмором... И я видел Нину Иосифовну, которая смотрела на него, как мама на странное дитя: вот знаете... ну странный у меня ребенок, но другим он быть не может. Там было и восхищение, и материнская забота: Боже мой, ну что же мне с ним делать?! Во взгляде. Она ни слова не проронила в течение этих сорока минут. Да на фига ему эти доллары, он совсем не по этому делу, он не про это... Ужасно они мне понравились! Может быть, это наивность какая-то, доверчивость... Но меж тем должен вам сказать, что сатане доверчивые люди неудобны крайне, потому что их невозможно совратить, соблазнить. Он должен посоревноваться в хитрости - а не получается, не в чем соревноваться. Вот у меня есть такие друзья. Володя Зенков например, с которым я в разведку не пойду. Ну да, не пойду, и я сам об этом заявил ему на его юбилей, потому что он ведь тут же забудет государственную цель этой разведки, а будет только думать, чтобы мне было удобно. И его нельзя купить, это невозможно, понимаете? Вот дадут ему миллион долларов сегодня, скажут: не ходи больше к Герду!.. И он ответит!.. Да ну вас, о чем это вы, скажете такое...

ЛЮДИ

ЛЮДИ, которых я любил... Люди, которых я любил и люблю, я никогда в них не разочаровывался... они не огорчили меня ни разу в жизни, да я уже и не жду огорчений с их стороны... дай вот только Бог их не огорчит! К несчастью, так получается, что люди уходят - красивые, потрясающие... Вот недавно мы расстались с Верейским Орестом Георгиевичем, необыкновенным человеком Вре-ме-ни, художником, графиком, но совершенно лишенным эстрадности... Скромным, тишайшим. Все, что хоть как-то соприкасался с ним, понимали, что касаются чего-то божественного... Это был абсолютно мирской, но совершенно не светский человек.

Есть еще пара-тройка людей, есть вот такая чета Конради - Милица Владимировна и Георгий Георгиевич. Это небесные черт русские люди. Московская техническая аристократия. Это ни с чем нельзя сравнить, да и нету нигде такой породы.

Я не говорю об актерах - у меня нет друзей среди актеров, кроме одного. Я имею в виду Шуру Ширвиндта. Я дружил с его мамой покойной. Шура мне приходится очень близким человеком, даже назвать его другом - как-то странно. Однако между нами есть дистанция: я никогда не интересовался сердечными делами Шуры. Как и он не интересовался моими. Я его ставил перед фактом: вот - я женился, познакомься с новой женой...

Есть Петя Тодоровский. Ну нельзя поставить кого-нибудь на его место в моей жизни! Ну как это назвать, я даже не знаю... Решающее место. Вот, Петя... Он, конечно, мой режиссер, но это давно переросло всякие такие производственные отношения. Есть... есть прекрасные люди в моей жизни. Вы знаете, они мне нужны не только потому, что я их люблю, а еще и для того, чтобы... держаться. Есть у меня такой друг - Евгений Леонидович Сперанский, ему через несколько месяцев будет 91 год. Я недавно отвез их на дачу - его, сестру его жены и жену, - им в общей сложности 270 лет. Три человека с очень интересными взаимоотношениями, замешанными на иронии и жалости друг к другу...

Не верю я в сословия. Не верю. И раньше, и теперь встречаются настоящие дворяне с подонческой душой. Князь Куракин рядом с Волконским - их сиятельство, дворянин, а был ужасным человеком. Я же говорю: всему можно научиться. Можно научиться следовать заповедям... Хотя, вы знаете, я в Бога, к сожалению, не верю. Меня так долго отвлекали от идеализма, целых 75 лет! И я, увя, стал безнадежно материалистичен. И в домовых я тоже не верю. Вот Сперанский - он верит, он с ними на короткой ноге. А я... Бросьте вы! Я же в конце концов советский человек!

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ

Я даже, возможно, очень редкий советский человек, который неплохо жил в брежневское время. Я совершенно не тосковал и не мучался, я давно освоил метод сравнительной терапии и с 1979 года выписывал журнал "Корея". Это было нечто! Вы читали журнал "Корея"? Ну-у-у... Я любил их фотографии: утро, длинная-предлинная улица, ни машин, ни

велосипедов, и пхеньянцы читают свежие газеты, где опубликовано новое великое слово дорогого вожды и учителя Ким Ир Сена. И все, как один, радостно улыбаются. Я любился ими, а потом выходил совершенно свободный в наше свободное демократическое общество имени Брежнева... Лавры Ким Ир Сена Сталину и не снились, там же чистый Восток, в Корею, а мы все-таки немножечко Европа.

А к сегодняшнему времени у меня претензий нет. Единственное, что, так сказать, томит и огорчает, - поздновато оно наступило. Если бы как-то укротить еще бандитов - то есть людей, которые понимают, что сейчас можно просто наворовать и жить... Он первые тридцать тысяч долларов заработал на торговле деньгами - и сразу покупает себе "Мерседес-600". Им надо насладиться властью, девочек купит красивых, длинноногих... Оказывается, красивых девочек просто можно купить! А вы представляете себе интеллигентного человека с купленной женщиной?! Представляете себе, что он знает, что заплатил за это! Да у него же ни фиги не получится, в жизни ничего не получится! Это надо быть... питекантропом, надо быть с таким вот лбом и накачанными мышцами, чтобы взять и купить женщину... для любви. Это же тоже ведь называется "давай заниматься любовью", называется этим же словом. Черт-те что! (Видите ли, они не понимают, что они теперь - наша буржуазия и они - главный класс.) Впрочем, я же сказал, что мне очень нравится нынешнее время. Знаете, в Театре сатиры была замечательная пьеса "Четыре жениха" какого-то осетинского автора, а переводил ее замечательный драматург Шкваркин. И там Папанов ходил - старый такой аксакал... или саксаул... И говорил постоянно: "В прежнее время, в прежнее время..." И в третьем акте его спросили: "Дед, что ты все про прежнее время? А новое время тебе не нравится?" - "Нет, почему, новое время мне очень нравится, и ни на какое другое, кроме прежнего, я бы его не сменил".

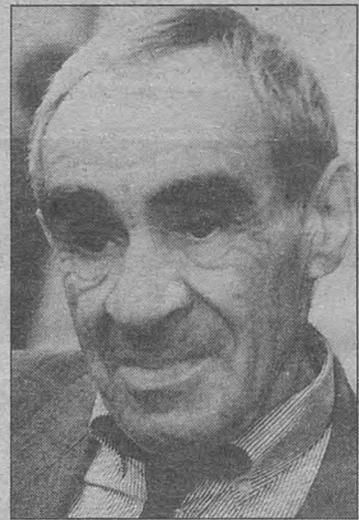
ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ

А В ПРЕЖНИЕ времена... понимаете, мы были нищие все. Вот из нашей студии театральной - 46 человек - только у одного была отдельная квартира. Это был Саша Галич. Только у него была квартира на Малой Бронной. Помню, я очень любил ходить к нему в гости, потому что в ванной стояла мисочка такая с кисточкой для бритья - его собственная кисточка, которую не надо убирать из ванной в комнату к себе! Я-то ведь всю жизнь в коммуналках - и вот почему-то помню эту мисочку для бритья у Саши Галича... Вина на тридцать человек ставилось две бутылки. Сухого, грузинского, и все были в прекрасном состоянии духа. И все читали стихи. Слуцкий, Коган, Самойлов, Наровчатов, Коля Глазков, Луконин, Майоров - замечательные предвоенные поэты все были наши! Но сейчас их уже никто не помнит, стихов никто не знает. И ходишь немножечко как городской сумасшедший, повторяешь те их стихи: А книги!.. Знаете, как было? Звонит моей Тане подруга Ляля: "У меня есть фоточка, я могу тебе дать померить только на одну ночь... Нет, с короткими рукавами". Это означало, что у Ляли появилась небольшая книга, самиздат, и она готова дать ее Тане на одну ночь... Так мы самообразовывались. А сейчас есть такие молодые люди, такие знающие! Правда есть такие всезнайки, которые не могут удержаться, чтобы не показать, что они все знают. Вот у Киры Прошутинской есть такой "Пресс-клуб", знаете? Я так смею над этими мальчиками, которые все знают! Все, все они знают - как будет, что было... Они, конечно... забавны.

...Да, вы знаете, я что хотел сказать?.. Вы знаете, я... я в течение четырех примерно десятилетий жутко, нахально, нагло врал. Это я только теперь могу оценить всю степень своего вранья... Единственное, что меня немного извиняет, - это то, что я почти верил в это свое вранье. Когда я им там, в их сытых капстранах, - я же стал ездить с 49-го года с кукольным театром - я так им врал, как у нас прекрасно, что сам в этот момент верил, что у нас прекрасно, хотя и думал: "Боже, что это я такое говорю?" Но и остановиться не мог... Как там у Пушкина (гений - он и есть гений всех времен и народов): "Я не люблю многие установления в России, но еще больше ненавижу, когда это чувство разделяет со мной англичанин". Мы - мы можем плавать в нашу жизнь просто с утра до ночи. Но они про нас... ради Бога, не надо! "Как ужасно там у вас в России..." Да пошел ты в ж... со своим Цюрихом! Это есть шикарный старинный русский рассказ: "Иван, вставай!" - а он спит на печи. "Иван, вставай!" - "Да чего вам надо?" - "Иди Расею защищать!" - "Кто ее?" - и встал. Россию надо защищать, я знаю. От фашистов ее надо защищать всеми силами. И уходить от этой борьбы подло. Ну то есть не подло, а... нехорошо. Когда мне генерал КГБ говорил, что Россия для русских, имея в виду, что лично мне здесь жить не надо... Да что он сделал в своем КГБ для России?! И что я сделал для России... Ну вы понимаете, как это - Стерлигов и я?

Я вот хочу научиться работать на компьютере. Володя Зенков, с которым я не пойду в разведку, он меня учил - но так, будто я помощник Эйнштейна: байты там какие-то, кило... ой, Господи... ну он не может себе представить, что кто-то этого не знает. Даст Бог, не Володя, а кто-то меня научит. Это не знает, что такое мегабайт, а просто умеет это делать. Ну хотя бы печатать на нем, как на машинке.

Яна ЗУБЦОВА, Владимир МАРТЫНОВ

Арт-фонатор, прим. к. Струментам и Фактам - 1994. - № 10 - с. 2